Анна Дарсен

МИМИКРА

Анна Дарсен

Мимикра

«Автор»
2026

Дарсен А.

Мимикра / А. Дарсен — «Автор», 2026

В мире без суши живут мыслящие парусники. Каждый вечер они спешат вернуться в безопасную бухту, построенную предками, потому что оставаться в океане после заката запрещено.Молодая бригантина Дари опаздывает всего на несколько минут. Паруса и руль перестают слушаться. Океан начинает дрожать. Это не шторм, это гораздо хуже.Ее дед, старый бриг Гравер, с трудом добивается права выйти ночью на помощь.Дари предстоит освоить правила ночи, понять кому можно доверять и спасти своих близких.

© Дарсен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Последний луч 6
Глава 1. Пятнадцать минут 6
Глава 2. Закон закрытых бухт 9
Глава 3. Серая над водой 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Анна Дарсен
Мимикра

Мимикра
повесть

Часть I. Последний луч

Глава 1. Пятнадцать минут

Пятнадцать минут - если ветер не передумает.

Дари прикинула расстояние до Острова, прибавила к нему встречное течение у Западной гряды и решила, что успеет. Получилось не очень убедительно. Тогда она убрала течение из расчёта, и стало гораздо лучше.

Она летела на всех парусах.

В другой день эта фраза рассмешила бы её своей буквальностью. Сейчас было не до смеха. Натянутые полотнища отзывались в сознании упругой тяжестью, будто сильные, чуть уставшие мышцы. Ветер скользил по ним, давил, искал слабину; Дари чувствовала каждое его прикосновение и одним намерением подбирала шкоты, поворачивала реи, удерживала руль. Под килем с шипением расходилась вода. Прозрачное живостекло корпуса ловило морскую синеву, и со стороны, наверное, казалось, будто волны сами сложились в лёгкую бригантину и спешат куда-то по своим волновым делам.

Так ей нравилось думать. Гравер называл это хвастовством.

- Когда нечем хвастаться, внучка, - говорил он, - хвастаются красивыми сравнениями

И сразу добавлял, если кто-то был поблизости, что быстрее Дари во всей Молодой бухте нет ни одного судна.

Сто десять лет назад Дари появилась в верфи-колыбели между двумя тонкими нитями живостекла и общей памятью бухты. Собственного прошлого у неё не было. Самым ранним воспоминанием оставался свет, рассеянный сквозь воду, и огромный тёмный борт Гравера, заслонивший всё остальное. Дед потом уверял, что, как только нос новорожденной бригантины вынырнул из воды, она немедленно поставила крошечный парус и попыталась уйти из колыбели. Дари подозревала, что он придумал половину этой истории, но не спорила - гордилась.

До прошлого года Гравер сопровождал её почти в каждом дальнем походе. Он делал вид, что случайно идёт тем же курсом, случайно держится в четверти мили и совершенно случайно наводит пушку на любого, кто проходит слишком близко. Потом Астэр убедил его, что самостоятельность нельзя выдавать по чайной ложке. Гравер уступил, но с тех пор всякий раз встречал Дари так, будто она возвращалась не с дневной прогулки, а из путешествия на край мира.

Сегодня край мира оказался ближе обычного.

Всё началось с хвастовства. Лио повернул домой после третьего круга у старого мерного буя. Дари решила пройти четвёртый - только затем, чтобы доказать: при боковом ветре её новый грот даёт ещё пол-узла. Грот дал. Потом ветер лёг, течение потащило к югу, а солнце вдруг оказалось гораздо ниже, чем ему полагалось.

Теперь западная половина неба налилась густой медью. Солнце висело над водой сплюснутым огненным кругом. Дари старалась его не замечать.

Остров проступал впереди неровной тёмной полосой. Настоящих островов, как говорили старые книги, когда-то было великое множество. На них росли деревья, ходили звери и стояли человеческие дома. Дари не очень верила в землю, которая способна удерживать на себе целый дом и никуда с ним не плыть. Их Остров был устроен разумнее.

Сначала над горизонтом показывались верхушки мачт - сотни мачт, давно лишённых парусов. Одни торчали прямо, другие перекрещивались, третьи лежали под углом, словно усталые старики, опирающиеся друг на друга плечами. Ниже темнели нагромождения корпусов. Самые древние были деревянными. Они сгнили, раскололись, проросли кораллом, но всё ещё держали цепи соседей. На них слой за слоем легли другие корабли. Ракушки залечили

щели, водоросли переплели шпангоуты, живостекло затянуло разломы голубоватыми наплывами. Так, постепенно, мёртвые поднялись из глубины и построили живым дом.

Гравер рассказывал, что первые корабли приходили сюда умирать добровольно.

«Одному гнить страшно, - говорил он. - А вместе можно ещё что-нибудь полезное сделать».

В детстве Дари представляла, как они сходятся в последний круг, сцепляются мачтами и постепенно опускаются на дно.

Она мысленно потянулась к Острову.

- Дедушка?

Ответ пришёл сразу, так громко, что зазвенел бушприт.

- Где тебя носит?

Гравер сердился. Значит, боялся.

- Уже иду. Вижу Западную гряду.

- Ты её полчаса должна видеть! Сколько до входа?

Дари снова оценила расстояние. На этот раз честно.

- Пятнадцать минут.

Молчание длилось ровно столько, сколько дедушке понадобилось, чтобы подобрать слова, пригодные для любимой внучки. Непригодных у него было гораздо больше.

- Десять, - сказал он. - Через десять начинают сводить заслоны.

- Успею.

- Дари.

- Я выстроила цепочку.

- Какую?

Она ещё раз оценила положение солнца, расстояние до входа между двумя ржавыми башнями погибших линкоров и длинную светлую полосу течения.

- Не мешай, дедушка. Очень сложную.

Он издал сердитый металлический скрип, который связь передала так отчётливо, будто Гравер тёрся бортом рядом.

- Доложишь по приходе.

- Обязательно.

Дари оборвала разговор прежде, чем он мог спросить о четвёртом круге вокруг мерного буя.

Внезапно вода впереди покрылась рябью.

Не волнами - мелкой частой дрожью, словно океану стало холодно. Ветер продолжал ровно давить с юго-запада. Дари проверила его направление, затем осторожно качнула рулём. Рябь шла поперёк и ветра, и течения. Она возникала сразу вокруг всего корпуса и бежала к горизонту.

Дари ощутила её килем. Слабое покалывание поднялось по шпангоутам и застряло у основания мачт.

- Дедушка?

- Я здесь.

На этот раз голос был тоньше и дальше.

- У вас вода дрожит?

- Какая ещё вода?

- Обычная. Только дрожит.

Гравер не ответил. За его молчанием Дари почувствовала десятки других голосов - встревоженных, коротких, перекрывающих друг друга. Остров заметил рябь.

- Держи связь, - наконец сказал дед. - Не закрывайся ни на миг.

- Хорошо.

- И не говори «хорошо» таким голосом.

- Каким?

Ответ рассыпался белым шорохом.

Дари позвала снова. Вместо голоса по сознанию прошёл треск, похожий на ломкую пену. Она резко подобрала передние паруса. Те отозвались с опозданием. Дари поправила намерение - не просто быстрее, а повернуть реи к ветру, натянуть левый шкот, удержать нос.

Обычно правильно поставленное желание расходилось по корпусу мгновенно. Сейчас оно словно увязло в толще живостекла.

Рея дёрнулась и остановилась.

- Нет, - сказала Дари вслух, хотя вслух корабли говорили редко. - Ещё раз.

Повернуть рею. Выбрать слабину. Держать курс.

Парус вздрогнул. Ветер выплеснулся из него, как вода из пробитой чаши. Бригантина потеряла скорость и подставила волнению борт.

Дари охватило странное чувство.

Она толкнула руль. Руль не ответил.

Не боль. Не поломка. Хуже - отсутствие. Ещё секунду назад кормовая часть корпуса была ею самой, понятной без названий. Теперь между мыслью и рулём возникла тонкая пустота.

Дари вспомнила голос Астэра, её единственного наставника:

«Желание - не действие. “Хочу домой” не знает ни ветра, ни расстояния, ни цены. Дай телу цепочку».

Она дала.

Определить ветер. Поставить нос. Наполнить фок. Ускориться. Войти в пролив.

Ничего.

Все паруса разом обмякли, хотя ветер по-прежнему шёл над водой. Они повисли вдоль мачт чужими кусками материи. Дари чувствовала их вес, слышала хлопки полотна, но уже не могла отличить один шкот от другого, как не смогла бы назвать каждую каплю, ударившуюся о борт.

- Дедушка!

Ответ пришёл обрывком:

- ...где ты?.. Дари, где...

- Я у гряды! Я не могу повернуть!

- ...где ты?.. где ты?.. где...

Связь захлебнулась.

До входа оставалось меньше трёх миль. Высокие ворота уже двигались: над водой натягивались якорные цепи, из пазов в мёртвых корпусах медленно выползали тёмные заслоны. Дари видела, как за ними вспыхивают сигнальные огни. Видела спокойную воду бухты. Видела дом.

Океан под ней дрожал всё сильнее.

Нижний край солнца коснулся воды.

Глава 2. Закон закрытых бухт

Гравер не любил заседаний даже днём, когда можно было развернуться к Совету кормой и сделать вид, что его унесло течением. Вечером заседания становились невыносимы.

Тяжёлый галеон Тарн стоял посреди Круглого рейда, окружённый старшими судами. Их корпуса почти не двигались. Только отражения сигнальных огней ползли по бортам - красное по чёрному, красное по тёмному дереву, красное по старому металлу. В проливах грохотали цепи.

- Она в трёх милях от Главного пролива, - сказал Гравер. - Откройте его на четверть часа.

- Через четверть часа солнца не будет, - ответил Тарн.

- Я умею смотреть на небо.

- Тогда ты видишь то же, что и мы.

Гравер видел. Знал он тоже не меньше остальных, и именно это бесило сильнее всего. Главная заслонка состояла не просто из старых корпусов и цепей. Когда её опускали, останки Первых соединялись в сплошное защитное кольцо. Разрыв его после заката означал одно - остров беззащитен.

Но за воротами была Дари.

Любые законы переставали быть ими, если по другую сторону оказывалась Дари.

- Не нужно открывать полностью, - сказал он. - Оставьте служебную щель. Я выйду один.

По кругу прошёл низкий гул неодобрения.

- И приведёшь ночь в наш дом, - отозвалась старая каравелла. - Мы не знаем, что приходит по следу отделившегося сознания.

- Потому что вы три века запрещаете это узнавать.

- Потому что три века мы живём по этому запрету - и Остров стоит.

- Стоит, - согласился Гравер. - Гниёт, но стоит. Прекрасный девиз для Совета.

Несколько кораблей отвернули носы. Тарн не шелохнулся. Его высокая корма заслоняла половину внутренних огней, и Граверу казалось, будто он спорит не с живым судном, а с частью островной стены.

- Ты просишь подвергнуть риску три бухты, - произнёс галеон. - В них четыреста восемнадцать сознаний, включая семьдесят три новые искры. Я не имею права поставить их против одной жизни.

- А право решить, чья жизнь должна погибнуть, у тебя есть?

- Для этого существует Совет.

- Совет существовал и у Южного Круга, - сказал Гравер, - это не удержало их на воде.

Гул голосов стих.

Южный Круг погиб задолго до рождения Дари, но Гравер помнил обломки, прибитые к Острову. Там тоже опоздал корабль. Снаружи остались мать и две новые искры; внутри - больше сотни судов. Хранители подняли малый заслон после заката. Поле разомкнулось. Этого хватило, чтобы над бухтой показались серые фигуры. Утром корпуса стояли у причалов в полной тишине.

- Мы не повторим Южный Круг, - произнёс Тарн.

Произнес без злобы. От этого спорить с ним было труднее. Он действительно считал каждое сознание в бухтах; действительно знал возраст семидесяти трёх искр и, возможно, мог назвать все имена. Просто в его расчётах Дари уже не учитывалась.

Гравер рванулся вперёд. Его старый руль болезненно заклинило, но ярость протолкнула корпус ещё на полдлины. Два сторожевых корвета легли между ним и Тарном.

- Отойдите, - предупредил Гравер.

На его потемневших бортах всё ещё оставались пушки. Большинство давно считало их украшением. Гравер - нет.

- Дедушка! - Еле слышный голос Дари прорезал общий гул и пропал. Куттер Лио торопливо протиснулся между кормами старших и едва не зацепил бушпритом каравеллу.

- Я был с ней у мерного буя, - выпалил он. - Мы проходили круги. Я ушёл раньше. Если бы я дождался...

- Сейчас не время, - оборвал Гравер.

- Я могу выйти с вами.

- Не можешь.

- Но вдвоём...

- Останешься здесь.

- Почему ей всё всегда можно, а мне нет?

Вопрос ударил точнее, чем пушечное ядро. Гравер повернул к нему нос.

Лио был совсем молодым - острый, быстрый, с ещё светлыми парусами. Страх проходил по его корпусу мелкой дрожью, но он не отступал. Гравер узнал в нём то упрямство, которое обычно так нравилось ему в Дари.

- Потому что одну ошибку не исправляют второй, - сказал он тише. - И потому что она моя внучка.

Лио опустил кливер. Он не согласился; просто больше не нашёл слов.

От Главного пролива донёсся тройной удар. Первая цепь встала в замок.

Гравер развернулся к Совету.

- Последний раз спрашиваю. Открываете?

- Нет, - ответил Тарн.

- Тогда запомните. Если она погибнет, это будет не вина закона. Это будет ваша вина!

- Если мы откроем, то погибнут все, - сказал Тарн, - и ты это знаешь.

Гравер хотел ответить, но рядом возник Варон.

Старый дредноут шёл медленно, уверенно, не тратя движения на угрозы. Его броня хранила вмятины, полученные у другой бухты, название которой теперь произносили только в траурных перечислениях. Там однажды подняли заслон после наступления темноты. К утру внутри остались целые корпуса и ни одного голоса.

- Южный пост принял, - доложил Варон. - Главный пролив закрыт.

Гравер развернулся к нему:

- Ты знал, что моя внучка на подходе.

- Знал.

- И опустил заслон.

- Опустил.

- Хорошо служится?

Варон помолчал:

- Плохо. Но это ничего не меняет.

Гравер качнулся к нему, однако между ними мягко встал длинный светлый корпус Астэра. Архивный барк казался случайным гостем среди военных: узкая корма, выцветшие знаки хранилища, ни одной пушки. Он не сказал вслух ни слова. Только коснулся бортом Гравера, и по дневной связи пришла короткая цепочка образов: нижняя бухта, запечатанная дверь, обгоревший край катоника.

Архив.

Затем Астэр отстранился и громко произнёс:

- Решение принято. Всем следует разойтись.

Гравер едва не выругался.

Вторая цепь вошла в замок.

Остров замкнулся.

* * *

Когда солнце наполовину ушло в воду, Дари перестала видеть вход.

Заслон слился с нагромождением мёртвых кораблей. Сигнальные огни ещё мерцали над ним, но добраться до них без руля было невозможно. Бригантину разворачивало боком. Паруса то наполнялись сами, то с пушечным хлопком теряли ветер.

Дари перебирала всё, чему не научилась.

На старых катониках человеки бегали по палубам, тянули канаты, забирались на реи. Изображения были плоскими и мелкими; смысл ускользал. Астэр показывал ей значки возле парусов и терпеливо называл слова: фал, шкот, брас. Дари продержалась до шестого названия, а потом спросила, зачем помнить их все, если нужный парус можно почувствовать.

«Чтобы однажды узнать его, когда не сможешь почувствовать», - ответил Астэр.

Как назло, именно эту фразу она запомнила.

В памяти всплыл другой катоник - запретный, показанный старшими учениками издали. На нём хранился обрывок растра о единственном корабле, вернувшемся после ночи. Боевой бриг кричал бессвязные слова, пока Совет его допрашивал. Потом записи уничтожили, а сам он стал пустым. Только два одинаковых слога уцелели на почерневшем краю катоника.

«Пур-Пур».

Дари в детстве повторяла их на уроках, когда хотела рассердить наставников. Иногда превращала в песенку. Иногда называла Пур-Пуром особо важного советника. Никто не смеялся, и это делало слово ещё потешнее.

Теперь смешного не осталось.

- Пур-Пур, - сказала она в темнеющий воздух.

Ничего не произошло.

- Пур-Пур!

Паруса продолжали беспомощно биться о мачты.

- Я знаю, что это глупость, - сообщила Дари океану. - Но если ты чего-то ждёшь, то я сказала.

Вода ответила двойным толчком под килем.

Дари замерла.

Толчок больше не повторился. Возможно, две волны столкнулись под корпусом. Возможно, рябь дошла до подводного уступа. Версий было много - и все бесполезные.

Над горизонтом осталась тонкая огненная дуга.

Дари снова потянулась к дедушке. Но не почувствовала ничего - ни расстояния, ни голоса, ни даже ощущения, что связь когда-либо существовала.

Последний луч погас.

Глава 3. Серая над водой

Сначала исчез вес.

Дари знала тяжесть своего корпуса: давление воды на киль, тягу мачт, наполненных ветром, тугой поворот руля. Даже во сне море держало её и сообщало, где верх. Теперь оно отпустило разом.

Она попыталась схватиться за собственную палубу и не нашла, чем.

Потом исчезло место.

Нельзя было сказать, что Дари находилась над водой или под небом. Она была всюду. Сразу перед носом, за кормой, у верхушки мачты. Взгляд не поворачивался. Мир сделался огромным и плоским, лишённым привычной середины.

Дари поискала привычный внутренний шум: поскрипывание мачт, бег воды вдоль корпуса, лёгкое натяжение якорного крепления у носа. Ничего. Остался только грохот волн, но теперь он приходил сразу отовсюду и не сообщал, где находится источник.

Она попробовала нырнуть в себя.

Мысль понеслась к бригантине, словно её бросили с высоты. На мгновение Дари коснулась палубы, ощутила холодную воду в шпигатах и боль сорванного флажка. Затем невидимая упругая сила отбросила её обратно. Между сознанием и корпусом натянулось что-то тонкое. Оно не давало вернуться и не позволяло улететь.

Дари рванулась снова. С тем же успехом волна могла приказать себе стать кораблём.

В детстве она иногда спрашивала, что значит умереть. Гравер отвечал: «Перестать держать форму». Тогда это казалось скучным. Теперь собственная форма лежала внизу, а сама Дари не могла понять, существует ли она ещё.

Внизу качалась бригантина.

Дари увидела её целиком и не узнала.

Живостекло, днём синее, как толща воды у спокойного борта, в ночном зрении стало почти прозрачным. Внутри мягко светились рёбра шпангоутов. Две мачты чертили по серому небу дрожащие линии. Паруса висели изорванными тенями. На фок-рее ещё держался жёлтый флажок - самый маленький, подаренный Лио. Все остальные унесло ветром.

Кораблик был изящным, хрупким и совершенно пустым.

Волна подняла его, повернула и бросила вниз. Дари ожидала удара всем существом. Удар пришёл глухим отзвуком, будто боль случилась с кем-то рядом.

«Это не я», - подумала она.

Сначала от мысли стало легче, но вскоре паника вернулась.

Теперь ей негде было разместиться. Она расползлась по небу, смешалась с серой мглой, зазвенела в воде. Дари закричала и не услышала собственного голоса.

Внезапно океан начал светлеть изнутри.

Не рассветом - до рассвета оставалась целая ночь. Просто темнота воды сделалась прозрачной для нового зрения. Дари различила под собой глубокие медленные тени. Сначала одну, затем ещё несколько. Они поднимались.

Ближайшая тень росла с пугающей скоростью. Вода вздулась, лопнула белой пеной, и на поверхность вывалился длинный чёрный корпус. Острый верхний плавник рассёк волну. С боков потоками стекала вода, открывая гладкий металл без парусов, без мачт, без единой знакомой черты.

Субмарина.

Дари видела такие на катониках. Человеки строили их, чтобы ходить под водой, хотя любой разумный корабль понимал: если над тобой много воды, следует немедленно подняться. На изображениях субмарины казались маленькими. Эта была длиннее Гравера в несколько раз.

Она всплыла не по своей воле. Её качнуло набок, винты бессильно провернулись, чёрный нос медленно развернулся к бригантине. Следующая волна столкнула корпуса. Живостекло Дари доверчиво ткнулось в металл и отскочило.

- Осторожно! - крикнула Дари.

Субмарина не ответила.

Из глубины вынырнуло второе тело - небольшой чёрный шар, утыканный короткими рогами. Он подпрыгнул на волне, словно обрадовался воздуху, и остался покачиваться неподалёку.

Мина, вспомнила Дари. Для чего человеки делали такие тела, она не понимала. В катонике рядом с ними всегда возникал знак опасности, но сейчас опасным выглядел весь океан.

Повсюду вспухали новые белые круги. Тёмные спины показывались и исчезали среди волн. Некоторые были узкими, как рыбы, другие состояли будто из одних зубцов и металла. Все они поднимались. Все были неуправляемы.

Движение под водой нарастало. Огромные тела всплывали медленно. Древняя автоматика продувала балластные цистерны, вытесняя из них воду, и корпуса тянуло вверх. Некому было удерживать их на глубине. Они застревали друг под другом, сталкивались, меняли направление; выброшенная ими вода сходилась в тяжёлые косые волны. Дари внезапно поняла, откуда берутся ночные штормы. Океан не просыпался после заката. Это глубина выталкивала на поверхность всё, что пряталось днём.

С каждой новой чёрной спиной море становилось теснее.

Дари попыталась оглядеться и впервые почувствовала сопротивление. Серость вокруг неё уплотнилась, обозначила границу. В бесформенном восприятии появилась верхняя точка, затем перед и спина. Что-то вытянулось по сторонам. Что-то продолжилось вниз двумя странными отростками.

Она увидела изящный серый предмет с пятью тонкими палочками. Сразу вспомнились рисунки из катоника с названиями. Это была кисть.

Пять тонких серых пальцев раскрылись перед несуществующим лицом.

Дари шарахнулась. Кисть шарахнулась вместе с ней.

Она попробовала согнуть один палец. Согнулся. Другой. Потом все пять. Движение было таким маленьким и нелепым, что на миг ужас происходящего ушёл на задний план.

От кисти шла рука, рука переходила в плечо. Дари ощутила вторую руку, две ноги, лёгкое тело, которое не тонуло и не опиралось на воду. Волосы спокойно касались шеи. Ветра в сером слое будто не существовало. Она не столько видела себя, сколько постепенно соглашалась иметь эту форму.

Дари нащупала то, что должно называться лицом. Нос оказался нелепым выступом, рот - мягкой щелью, глаза закрылись от прикосновения сами. Под ладонью что-то стучало. Дари отдёрнула руку. Тело жило, не спросив разрешения. Она прислушалась и обнаружила дыхание. Воздух входил и выходил, хотя серой груди он, вероятно, был и не нужен.

Вдалеке над всплывшими корпусами уже собирались другие отсветы. Некоторые возникали цельными и тут же направлялись к соседям. Другие дёргались, будто в них спорило сразу несколько движений. Один силуэт раскрыл рот, и Дари услышала обрывок имени. Остальные повернулись на звук.

Она не знала почему, но ей захотелось молчать.

Пустая бригантина Дари снова ударилась о субмарину.

На этот раз чёрный корпус отозвался низким гулом. Из него поднялась струйка серых брызг. Они не падали обратно. Капли собирались над рубкой, сливаясь в человеческий силуэт.

Сначала возникли руки - уверенно, без растерянности. Потом длинные ноги, прямая спина, голова. Серость легла складками вокруг тела, словно фигура сама выбрала себе одежду

из мглы. Последним проступило лицо: высокие скулы, тонкий рот и тёмные глаза, слишком живые для бесцветного мира.

Существо оглядело океан, заметило Дари и улыбнулось.

Улыбка была тёплой. Взгляд - нет.

- Что я вижу, - произнесла она. - Какая милая девочка.

Слово коснулось Дари прежде, чем она успела понять его смысл.

- Это вы мне?

- А кому же ещё? - Фигура плавно приблизилась, будто расстояние уступило ей дорогу. - Милое дитя, как ты здесь оказалась?

Дари посмотрела вниз, на свою пустую бригантину, потом на серые руки.

- Я не знаю, где именно «здесь».

Существо улыбнулось шире.

- Ничего. Я помогу тебе разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.